

գարում Դվինը եղել է ապակեգործության խոշոր կենտրոն: Աշխատության մեջ ներկայացված են առանձին խմբերի արտագրության տեխնոլոգիայի հետ կապված հարցերը:

Դվինի կենտրոնական թաղամասում հայտնաբերված ապակե հարուստ հավաքածուի մեջ առանձնանում են մի խումբ զամպարներ, որոնք օգտագործվել են եկեղեցու և կաթողիկոսական պալատի շքեղ ջահերի համար: Հեղինակը բնութագրում է դրանց կիրառական հնարավորությունները, ընդգծում ձևերի բազմազանությունը, պատրաստման տեխնիկական հնարները և այլն: Աշխատության ամբողջականությունը կշահեր, եթե այստեղ հիշատակվեին հայ պատ-

միչների⁵ վկայություններն այն մասին, որ Դվինի եկեղեցական սպասքը սպառնացող վտանգի ծամանակ պահվում էր թաքստոցներում, և կենտրոնական թաղամասի կոնաձև հորերի մի մասը, որտեղից ի հայտ են եկել զամպարները, նույնպես ծառայել են այդ նպատակին: Գրքում տեղադրված գծանկարները և աղյուսակները մեծ շահով օգնում են նյութի ընկալմանը:

Ա. Ս. ԺԱՄԿՈՉՅԱՆ

5 Ուխտանեսն եպիսկոպոս, Պատմութիւն Հայոց, Վաղարշապատ, 1871, էջ 66: «Պատմութիւն Ղևոնդեայ մեծի վարդապետի հայոց», Ս. Պետերբուրգ, 1887, էջ 169:

Литературные связи. Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы. Изд. Ереванского университета. Т. 1. Ереван, 1973; т. 2. Ереван, 1977.

Понятие литературных связей вбирает в себя широкий спектр явлений. Им объединяются весьма разные формы контактов. Среди них нет ни одной, которая не была бы отражена в рецензируемых сборниках.

Биографический аспект подробно рассмотрен в статьях Б. М. Овакимяна «М. А. Гамзатов — друг Н. А. Некрасова», В. П. Купченко «М. Волошин и М. Сарьян» и публикации А. А. Саакянц, посвященной воспоминаниям А. С. Эфрон об А. Исаакяне и М. Цветаевой (т. 2). «Итинерарный» аспект ярче всего выступает в этюде «Путевая проза Андрея Белого и его очерк «Армения» (автор Н. А. Гончар, т. 2). По справедливости большое место занимают контакты в форме перевода — в средние века, в XIX—начале XX вв., в советское время. Уделено внимание переводу «в обе стороны» — с армянского на русский и с русского на армянский. Рассматриваются другие формы влияния и рецепции культурных ценностей. Воздействие русских стиховых форм на армянское стихосложение, восприятие Пушкина, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Есенина в Армении, армянские связи Короленко, публикация и изучение армянских сказок в Советской России — все вызывает интерес. Находят место типологические сопоставления фольклорных и этнографических фактов, жанровых и метрических форм. Е. А. Алексанян показывает становление армянского критического

реализма в связи с влиянием русской «натуральной школы» (т. 1), становление армянской психологической драмы на фоне новой европейской драматургии Ибсена, Гауптмана, Чехова (т. 2).

Все формы взаимоотношений более или менее тесно переплетаются и в жизни, и в научных работах, им посвященных. Мы выделяем лишь исследовательскую доминанту. Есть, однако, статьи, в которых разные аспекты равно значимы. Такова, например, работа Э. М. Джрбашяна «Горький и Чаренц», в которой контакты двух художников вписаны в историческую обстановку их дней, показаны с точки зрения и типологии их творчества, и восприятия Чаренцем опыта Горького, и перевода Чаренцем прозы и стихов Горького с характеристикой стиховых особенностей оригинала и армянского текста. Приводя запись Е. Чаренца о том, что в 30-е гг. Горький противопоставит шаблону и трафарету в литературе, исследователь показывает острое недовольство армянского поэта тенденциями всеобщего нивелирования художественных индивидуальностей в атмосфере 30-х гг. (т. 1, стр. 172—173).

Почти универсальны — от теории стиха до истории страны — интересы участников издания. Этнография и фольклористика, история средневековой, новой и новейшей литературы, литературная и художественная критика, библиография нашли ме-

сто на страницах двух выпусков. Хронологические границы, заключающие даты исследуемых текстов, открывают широкую перспективу: *terminus post quem* отодвинут к VII в. н. э., *terminus ante quem* образует 1975 г.

Первый том открывается «историко-филологическим исследованием» К. В. Айвазяна (как он определяет жанр работы) «О дате поселения армян на Руси по данным средневековых армянских и русских авторов». Несмотря на отсутствие литературоведческой специфики, труд этот по важности темы, богатству учтенных источников, методологической основательности служит достойным введением в серию. Сопоставление ряда эпизодов Начальной русской летописи и жития Феодосия Печерского позволяет гипотетически датировать княжескую грамоту о приглашении армян и даровании им льгот 1068 годом, связав это событие с именами Мстислава Изяславича и его отца, сына Ярослава Мудрого.

Опираясь на данные архива акад. Н. К. Никольского, Н. Н. Розов освещает «следы возможного отражения» писаний митрополита Иларiona в «Изложении веры армянской церкви, начертанном Нерсесом католикосом» (т. 1). И. А. Атаджанян высказывает новые соображения «Об источнике, мотивах и характере армянского перевода «Сказания о Борисе и Глебе». Автор склоняется к мысли о том, что труд выполнен в первой половине XIII в. прямо с русского оригинала, без греческого перевода-посредника, по списку, изданному в кн.: «Сборник XII века московского Успенского собора». Вып. 1. Под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М., 1899 (т. 2).

Таким образом, исторические и литературные контакты Руси и Армении прослеживаются в рецензируемом издании до самых истоков русской книжной культуры. Еще более раннее явление рассмотрено в этюде К. В. Айвазяна «Об одной параллели в языческом пантеоне древних индов в Тароне и восточных славян в Киеве» (т. 2). В дополнение к установленному Н. Я. Марром сходству предания о трех братьях-градостроителях в Тароне со сказанием об основании Киева Айвазян указывает и исследует сходство главного бога индов в Тароне Гисанэ с восточнославянским Волосом. Привлечение большого исторического и

этнографического материала придает статье значительный интерес.

Серия материалов относится к XIX—началу XX вв. С. К. Даронян в работе «К истории списка комедии «Горе от ума» в армянском музее» дает подробный его анализ, тогда как до сих пор он был известен в научной литературе на русском языке лишь по лаконичным сообщениям. Ставя вопрос о путях, по которым он попал в библиотеку М. Налбандяна, автор поддерживает свою старую гипотезу. Он высказывает достаточно вероятное предположение, что к армянскому писателю и общественному деятелю манускрипт пришел от его школьного учителя Г. Патканяна, который дружил с А. Аламдаряном, знавшим Грибоедова в 1826—28 гг. Говоря о причинах интереса образованной части армянского общества первой половины XIX в. к творчеству Грибоедова, Даронян воссоздает широкую картину армянских связей русского поэта (т. 1, стр. 121). К этому надо добавить, что, выступая в качестве влиятельного русского чиновника, Грибоедов с большим уважением относился к армянской культуре и многократно заступался за нее, как и за ее носителей (об этом: Ю. А. Веселовский. Грибоедов и армяне. — В его кн.: Литературные очерки. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1910).

Исследователям, да и русским читателям Тургенева интересно узнать, что переводы писателя на армянский язык начались со «Стихотворений в прозе», т. е. с того цикла, которым он завершил свой сорокалетний творческий путь (т. 2, стр. 84). Он пришел к армянскому читателю живым классиком, стоящим на вершине европейской художественной культуры, в задушевных своих произведениях. Переводы на армянский язык, увидевшие свет в один и тот же день с французскими переводами автора и Полины Винардо (т. 2, стр. 76), принадлежат к самым ранним в длинной истории передачи «последней песни Тургенева» на иностранных языках. Весь круг вопросов, поставленных в статье А. Г. Саакян «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева в переводах на армянский язык», рассмотрен достаточно подробно.

За последние годы ряд статей посвятил сравнительно-типологическому изучению русского и армянского стихосложения Р. А.

Папаян. Рецензируемые сборники содержат две его статьи. «К вопросу о метрической эволюции жанров в армянской и русской поэзии» (т. 1) представляет опыт строго типологического сравнения жанров песни, интимной лирики, гражданской лирики, баллады, поэмы, стихотворной драмы в армянской и русской литературе с точки зрения используемых ими метрических форм. Постановка проблемы отличается оригинальностью и продуктивностью, сочетание историко-литературной, теоретико-литературной и стиховедческой проблематики весьма актуально. Однако перед нами — только первый подступ к теме. Разложение жанровой системы классицизма и предромантизма в 1820-х гг. и позже делает жанровую классификацию русской поэзии неизбежно приблизительной. Вот почему статистика, которой оперирует исследователь, не всегда надежна. Так, неясно, какие именно 11 стихотворений Ап. Григорьева или 17 — Пушкина имеются в виду (стр. 207 и 208), не говоря о том, что в ряде случаев небольшие выборки нерепрезентативны. Поэтому аналогии метров армянской стихотворной речи и русской — четырехсложных групп с ямбом, пятисложных с дактилем, амфибрахией, анапестом, сочетаний трех-четырёхсложных групп с хореем — представляются недоказанными. Основной же тезис Папаяна, согласно которому связь между метрами и жанрами обуславливается не только традицией, но и структурой метров и размеров, на наш взгляд, справедлив. Заметим, что данное обстоятельство отмечено и в статье К. Ф. Тарановского, на которую ссылается Папаян.

Другая его работа «Стиховые новации В. Таряна и Е. Чаренца в их связи с русской стиховой культурой» (т. 2) решает важную не только историко-литературную, но и методологическую задачу. Не вызывает сомнений, что органическое влияние возможно тогда, когда для него подготовлена почва. Но что это значит в реальности межнационального литературного общения, установить бывает нелегко. Папаян это делает с большой убедительностью. Он выявляет особенности армянской просодии, подготовившие восприятие русских силлабо-тонических, логаздических, дольниковых и акцентных форм Таряном и Чаренцем. Может быть, не весь сравнительный материал, привлекаемый Папаяном (стр. 184—185),

бесспорен, но бесспорно объяснение последовательности заимствования русских систем армянскими поэтами.

«Путевая проза Андрея Белого и его очерк «Армения» Н. А. Гончар — объемная панорама прозы русского писателя. Передний план составляет характеристика самого очерка, опубликованного в августе 1928 г. в журнале «Красная новь». Он соотнесен с остальными близкими по жанру произведениями А. Белого, с перипетиями его жизни, скитаний. Самостоятельную ценность представляет, в частности, краткий итinerary поэта за 1910—1916 гг., извлеченный Н. А. Гончар из его архива (т. 2, стр. 135), и таких мест в работе много. Далее исследуются отражения «армянской темы» в художественной прозе — в «Масках». Путевые заметки А. Белого соотнесены с трудами Хемингуэя, Стейнбека, Г. Грина с одной стороны, Паустовского, Мандельштама, В. Гроссмана — с другой. Когда нам кажется, что тема исчерпана до дна, заходит разговор о дружбе А. Белого с Сарьяном, и соотнесение фигур армянского живописца и русского поэта еще более обогащает замечательную монографическую статью.

В ней нашлось место и для наблюдений над своеобразной «анапестической» фактурой метризованной прозы путевого очерка. Эта примечательная особенность связана с беспокойным ритмом движения. Даже о «Масках» А. Белый говорит: «Мои строчки прозы слагались мной на прогулках, в лесах, а не записывались за письменным столом» («Маски», М., 1932, стр. 11). Один из самых смелых экспериментаторов, он искал пути уничтожения граней между стихотворной и прозаической речью, в пределах стихотворной речи — между строкой и строфой; в прозе — между художественным, очерковым, философским текстом (книга «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» написана тем же «анапестическим метром», что «Армения» и «Маски»).

До очерка 1928 г. «армянская тема» за вычетом единичных случайных упоминаний была, кажется, чужда А. Белому. Отсутствует она в «Московском чуде» и «Москве под ударом», непосредственно предшествующих «Маскам». Значение двух поездок русского писателя в Армению, позволивших ему прикинуться к древней культуре, неоспоримо. Тем важнее было бы прочитать о побудительных стимулах путеше-

вия 1928 г. Ограничимся этим пожеланием.

Для того, кто посещает Армению, одним из самых сильных впечатлений оказывается портрет А. Белого кисти Петрова-Водкина в Ереванской картинной галерее. При чтении статьи Гончар он тотчас же приходит на ум. Вот почему полон значения лирический конец статьи, напоминающий об этом шедевре иконографии А. Белого.

Образ Мартироса Сарьяна возникает и в исследовании В. П. Купченко «М. Волошин и М. Сарьян» (т. 2). Освещающее существенную грань, по которой русская культура прикосновена к армянской, оно особенно важно благодаря публикации автобиографических заметок Волошина, писем Сарьяна, Волошина, С. К. Маковского из ЦГАЛП, отделов рукописей Пушкинского Дома, Библиотеки им. В. И. Ленина, Русского музея. С большой полнотой использованы и печатные источники. Сравним это исследование со статьей Р. И. Поповой «Жизнь и творчество М. А. Волошина» в кн.: «Максимилиан Волошин — художник» (М., 1976), где на стр. 37 и 38 упоминается статья Волошина о Сарьяне. Это сравнение покажет, насколько публикация Купченко расширяет наши знания.

Давно известна внутренняя близость А. Белого и Волошина — крупных деятелей символизма 1900-х гг. Ее свидетельством являются, например, стихотворения — Волошина «В цирке», посвященное А. Белому, и А. Белого «Зима», посвященное Волошину. Теперь выяснена мера близости обоих русских поэтов к Сарьяну. Надо задуматься: не было ли каких-то сугубо творческих, почти «технических» моментов мировосприятия, лежавших в последних глубинах художественного сознания, которые помимо биографических и общекультурных притяжений (почти неизбежно возникавших в среде «нового искусства» начала века) содействовали взаимному притяжению трех мастеров? И тут чисто гипотетически хочется указать на такую черту общности, как восприятие людей в антинорме их внешнего образа и сути, persona и anima. Отражением этого являются, в частности, название цикла Волошина «Личины» (1918), заглавие романа А. Белого «Маски» (1932) и характер портретной, манеры Сарьяна. Принцип упрощения рисунка и цвета, не доводящий до плакатности благодаря колористической интенсивности, приводит к

созданию портретов, сопоставленных с обособленной маской («Портрет Е. Чаренца», 1923; «Автопортрет с маской», 1933); портретов с наложенной на лицо маской («Женщина в маске», 1913 (портрет С. И. Дымшица)); портретов-масок, единичных и удвоенных («Голова персианки», 1910; «Восточные женщины», 1910); группового портрета с маской («Моя семья», 1929). Но особенно существенно для сопоставления с поэтикой Волошина и А. Белого большое полотно Сарьяна «Маски» (1915).

К отмеченным материалам примыкает своеобразная публикация А. Саакянц (т. 2). Кроме мемуарного очерка дочери М. Цветаевой А. С. Эфрон о парижских встречах ее матери с А. Исаакяном, ранее напечатанного в «Литературной Армении», даны фрагменты восьми писем мемуаристки. Они освещают процесс возникновения воспоминаний «Самофракийская победа», которые стали прологом ценнейших автобиографических записок А. С. Эфрон. Сопоставление поэзии с искусством кисти и резца внутренне объединяет данный материал с предыдущими.

Несколько в другом роде написана большая статья «Тема и вариации» (автор Г. П. Кубатьян). Ее название, заимствованное у Пастернака и служащее своеобразным камертоном, раскрывается подзаголовком «Армянские мотивы в творчестве русских советских поэтов». Это далеко не бездумно-парадная статья, механически суммирующая разномасштабные факты. Это труд вдумчивого читателя и исследователя. К «армянским мотивам» Кубатьян подходит от мыслей об открытости русской поэзии чужестранным веяниям, от ее давнишней тяги к краю вдохновения лучших русских лириков — Кавказу. Осознавая некоторую размытость понятия лирической темы, автор настойчиво возражает против объединения стихотворений только по тематическому признаку. «Туристские» стихи оставляются в стороне. Более важным признается другое свойство — принадлежность произведения к высокой поэзии. В работе показан непрерывный интерес больших русских поэтов к Армении, она выполнена с превосходным знанием новейшей лирики. Главное внимание уделено анализу «ярких и значительных произведений на армянскую тему, не привлекавших к себе до сих пор особого внимания» (т. 1, стр. 178—179). Уверенно

связываются с Арменией стихотворения П. Антокольского из «Больших расстояний». Среди менее непосредственных произведений выделен «Древний город». (Но Кубатьян ошибочно считает, что связь «Больших расстояний» с Арменией не замечена критиками. О ней говорит, например, Л. Левин в книге «Четыре жизни» (М., 1969, стр. 112—113)). Отмечен цикл М. Светлова «Из Мкртчянца».

Своеобразно трактованы «Подражание армянскому» и связанные с ним трагические стихотворения А. Ахматовой. Автор показывает, что здесь «личная трагедия выражена через аллегорический рассказ о трагедии целого народа» (т. 1, стр. 189).

Ряд разборов посвящен недостаточно изученным поэтам. Эти страницы имеют дополнительное значение, привлекая интерес читателя к относительно малоизвестным явлениям. По живым следам журнальной публикации рассмотрено «Подражание армянскому» А. Кушнера (позже вошло в сборник «Письмо»), выросшее из перевода стихов армянского поэта Веспера (т. 1, стр. 190—191). Наглядный пример обогащения русской лирики благодаря соприкосновению с армянской! Мысли и оценки, имеющие значение для понимания не только «армянской темы», но и всего облика поэта, высказаны при рассмотрении стихов Липкина, Тарковского, Петровых. Таким образом, современные взаимосвязи двух литератур проработаны в рецензируемой серии столь же впечатляюще, как и старые.

Полезны разнообразные данные, суммарно представляющие судьбы литературного наследия русских писателей в Армении. Таковы библиографии «Н. В. Гоголь в армянских переводах и критике» (хронологические рамки 1859—1975, 253 номера; составитель И. Б. Вардапетян, т. 2) и «И. С. Тургенев в армянских переводах и критике» (хронологические рамки 1877—1974, 403 номеров; составитель А. Г. Саакян, т. 2).

Таковы подборки материалов из периодической печати за юбилейный 1899 г. «Вечная слава Пушкину...» (публикация А. В. Калашян, т. 2), «М. Е. Салтыков-Щедрин на страницах газеты «Мшак» (1880-е годы)» (публикация Н. А. Ханджян, т. 2); очерк «Армянские писатели о Чехове» (автор М. К. Айвазян, т. 1), значение которого определяется в первую очередь подробной передачей статьи А. Исаакяна.

Большой интерес представляет предваренная содержательным предисловием библиография «Армянская литература в русских переводах» (составитель К. Н. Григорьян). Ее хронологические границы заключены между 1786 и 1917 гг., насчитывает она 1523 номера.

Библиографии и книги в целом снабжены многочисленными указателями, что делает работу с ними удобной и приятной.

Особо должна быть отмечена подготовленная С. Т. Ахумяном небольшая публикация писем Ю. А. Веселовского (т. 1), воздающая дань уважения памяти одного из самых неутомимых исследователей и пропагандистов армянской литературы в дореволюционной России.

Рассмотренные в нашей рецензии два выпуска в достаточной мере обозначили лицо издания. Наряду с научной основательностью характернейшей его чертой следует признать предельную экстенсивность хронологическую, тематическую, жанровую. Не исключены и другие пути формирования сборников, например концентрация каждого из них вокруг ограниченного количества тем и периодов. Однако естественно возникшее издание можно уподобить живому организму. В определенных формах оно родилось, развивается и допускает лишь бережное совершенствование. Перед нами без сомнения именно такое начинание.

Доктор филол. наук В. С. БАЕВСКИЙ
(Смоленск)